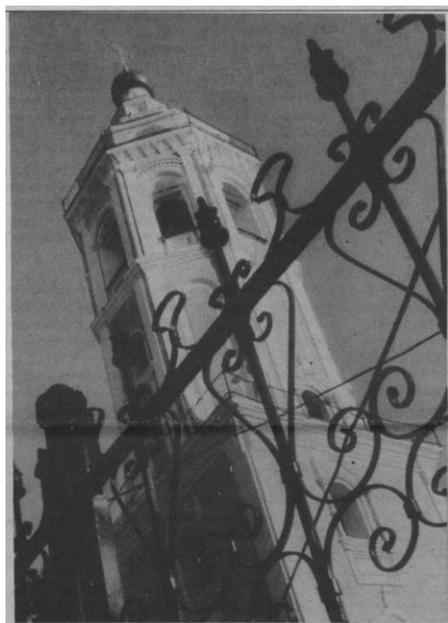

ИМПЕРИЯ ДЕМИДОВЫХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пожалуй, именно эти слова выражают концепцию и пафос выставки, которую задумывал Тульский областной художественный музей к 12-му октября — к празднованию юбилейного Дня города. Названия у нее были другие: «Эпоха Демидовых в культуре и искусстве 18—19 веков», чуть

более скромное: «Демидовы и русская культура 18—19 веков». К сожалению, приготовить именно такую выставку не удалось... Но поговорить хочется о том, что задумывалось. Потому что никогда еще не было выставки, в какой-то мере иллюстрирующей историю рода, потому что в историю культуры и предпринимательства вошли не только тульский кузнец и его сын Акинфий, но и более поздние представители рода Демидовых.

Итак, род поднялся с никому неизвестного Никиты Антуфьева, мастера Тульского казенного металлургического завода, который в 40 лет, в 1696 г., единственный из мастеров, по требованию Петра I, (это один из вариантов легенды) починил ружье, сделанное немецким мастером, а потом выполнил и его точную копию. За ум, смекалку и мастерство царь дал ему землю и деньги, и именно демидовский завод начал славу Тулы как индустриального города: ведь наша слава и гордость, Оружейный завод, появился через 20 лет.

Заводы Никиты Демидова скоро стали выпускать ружья, стоившие казне в 12 раз дешевле иностранных и лучше всех тех, что выпускались тогда в России. Но делали там уже и металлическую посуду: кружки, кувшины, самовары, чайники. Потом научились изготавливать складную металлическую мебель. Много тульского металла в Эрмитаже: чернильный прибор, шкатулка Петра I. Но мы сегодня о другом.

Например, о том, что огромная запруда демидовского завода определила планировку Московской части города: ведь заводы тогда работали на силе воды. И город наш тогда, в самом начале 18-го, был очень красив этой огромной водной гладью. Но, к сожалению, плотина демидовского завода на пересечении Тулицы с Упой не сохранилась, равно как и планы, виды старой Тулы того времени. Но город наш тогда был красив...

Именно смелость, размах и деловитость первых представителей рода — Никиты и его сына Акинфия — породили в тульской ремесленной, мастеровой, купеческой среде стремление к развитию промышленности: целая толпа их ринулась по демидовскому пути.

А Никита Демидов уже в 1699 г. попросил царя дать ему в аренду построенный на Урале, на реке Невье в Верхотурском уезде завод. Но освоение Урала связано уже с именем его сына Акинфия. Это был экстенсивный путь развития промышленности, отчасти даже колонизация земель и населения: тогда и возникло понятие «демидовская империя»: огромные территории, на них — заводы, рудники — все это их, демидовское.

Конечно, главная продукция Демидовых — это «пуды» металла», но Урал — это еще и самоцветы, поделочные и драгоценные камни которые уже при Акинфии» начали обрабатывать (украшения, вазы, шкатулки). А еще люди Акинфия дошли до Алтайских гор, открыли тал богатейшие залежи серебра. «Демидовская империя» к концу 18-го века включала в себя 55 предприятий, дававших 1/3 общего количества чугуна и железа, производимых тогда в России.

И уже внуки Никиты, сыновья Акинфия, заняты не промышленными завоеваниями, а самоутверждением, поисками своего места в мире: императоры не столько правили заводами, сколько очень по-разному занимались рефлексией.

Прокопий, одна из самых колоритных фигур екатерининского века, от своего участия в «империи» сразу освободился: продал доставшиеся ему по наследству заводы в Невьянске, жил в Москве и

Петербурге, чудачил, занимался ботаникой и благотворительностью. Его прекрасно запечатлел в необычном парадном портрете Д. Г. Левицкий. Великий художник работал над портретом барина-чудака в 70-е годы, параллельно с работой над портретами знаменитых смолян. Портрет, находящийся сейчас в Третьяковке, поражает причудливым сплетением традиционно-парадных и неожиданных черт. На фоне пейзажного задника с изображением Воспитательного дома и преувеличенно мощных колонн стоит возле простого рабочего стола, непринужденно облокотившись на большую лейку, пожилой барин. Он одет по-домашнему и несколько небрежно: камзол полурасстегнут, халат распахнут, шейный платок повязан кое-как, голова «увенчана» колпаком. Герой позирует в «дезабилье» — в виде, в котором не принято было появляться перед посторонними — позирует для парадного портрета!

Демидова окружают предметы его любимого занятия: луковицы цветов, ботанические трактаты, растения в больших горшках, на которые направлен указующий жест его правой руки. Но ботаника аллегорически намекает и на деяния Прокопия Демидова в области воспитания. Таков этот острый, необычный портрет, запечатлевший человека, о котором сложены столь странные и разные легенды, что в них трудно вымысел отделить от реальности.

Григорий — самый серьезный из трех сыновей Акинфия. Он еще занимался заводами, жил в Туле, именно с его именем связано строительство Демидовского дворца и Ботанического сада — ничего от всего этого великолепия у нас в Туле не сохранилось. Григорий закончил Геттингенский университет и Фрайбургскую академию. Он был одним из самых образованных людей своего времени, живым воплощением века Просвещения. Свои огромные коллекции минералов, монет, медалей завещал Московскому университету. Переписывался с Карлом Линнеем, а значит, актив-но занимался ботаникой как наукой.

Третий сын, названный в честь своего великого деда Никитой, был одержим страстью к искусствам. Именно он положил начало огромной демидовской коллекции: стал собирать произведения изобразительного искусства. На мысль заняться этим всепоглощающим делом его натолкнул Вольтер, с которым этот Демидов переписывался. Никита Акинфиевич был удостоен чести стать почетным членом Российской Академии художеств. Но еще и членом Вольного экономического общества! Было ли это простой случайностью, попыткой привлечь не знающего чем заняться богача в свои ряды?

В 1786 г. он издал свой «Дневник путешествий по Западной Европе» — «Журнал путешествия в чужие края» (он три года путешествовал по Курляндии, Пруссии, Голландии, Англии, Франции, Италии — осваивал культуру этих стран).

А вот сын его Николай Никитич воевал с Наполеоном: сам собрал и повел воевать полк солдат из числа рабочих своих заводов, расширил Демидовскую империю: приобрел владения в Крыму, а с 1815 г. стал русским посланником во Флоренции. Если бюсты его отца и матери делал Шубин, то Николая ваял из мрамора Торвальдсен. Иные времена, иные нравы, иные ориентиры. Николай Никитич подарил часть своей художественной коллекции Петербургу и Флоренции, и этот итальянский город, колыбель искусства, поставил Николаю Демидову после его смерти памятник: большой, многоречивый, с аллегорическими фигурами Добродетелей, Наук, Искусств — всего того, к чему этот Демидов был причастен.

Сын его Павел занимался обустройством центров демидовской империи — Нижнего Тагила и Невьянска. Именно в эти годы в Нижнем Тагиле и был создан некрополь, который, к сожалению, был совершенно разрушен в советское время. Жаль, здесь была усыпальница в духе капеллы Медичи: для ее создания Павел Николаевич пригласил итальянских мастеров, привез итальянский мрамор. От всего этого былого великолепия сохранилось и находится сейчас в нижнетагильском Музее заводского дела Среднего Урала огромное мраморное распятие, около двух метров высотой, поразительной красоты. Сохранилось и еще кое-что из так называемых демидовских мраморов, но понятно, что это капля от исчезнувшего моря.

Еще Павел Николаевич основал Демидовскую премию — за изобретения в области точных наук, это была одна из самых престижных наград России. Одно время он был губернатором в Курске, жена его Аврора Шернвальд фон Валлен, дочь Выборгского губернатора, красивейшая женщина своего времени, которую Баратынский назвал в своих стихах «соименницей зари», вышла замуж после смерти Павла Демидова за Андрея Карамзина, сына знаменитого русского историка. Здесь — выход рода Демидовых к Пушкину и Лермонтову: можно вспомнить знаменитую книгу «Пушкин в письмах Карамзиных», из коей ясно видно, что Андрей Карамзин был одним из свидетелей,

участников и первых судей высшего света, сыгравшего страшную роль в жизни Пушкина, а еще вспомнить и то, что среди родственниц Авроры была Эмилия, которой когда-то Лермонтов посвятил знаменитые строки: «Графиня Эмилия блее, чем лилия, стройнее ее талии на свете не встретится, и небо Италии в глазах ее светится. Но сердце Эмилии подобно Бастилии». (И это только то, что вспоминается сразу, что лежит на поверхности, а сколько фактов выплывет, если хорошенько покопаться!). Кстати, есть прекрасный портрет этой самой Авроры, созданный Карлом Брюлловым: его знают многие, если не все.

Брат Павла Николаевича Анатолий оказался личностью весьма экстраординарной: родился он во Флоренции, умер в Ницце. Был спонсором Брюллова, говоря нашим сегодняшним языком, когда тот работал над картиной «Последний день Помпеи». Действительный член четырех Академий: Парижской, Мюнхенской, Стокгольмской, Российской. Женился в 1841 г. на племяннице Наполеона графине Матильде де Мофоро, мечтал соединить эти два рода: свой и великого завоевателя. Вероятно, был очень честолюбив, потому что перед свадьбой купил целое государство — Сан-Донато, а затем приобрел и титул его правителя — князя Сан-Донато. А еще однажды он снарядил экспедицию по Южной России (Украина): изучал страну, как terra incognita. Это уже высшая европейская знать, космополит, гражданин мира, гражданин искусства, полностью оторвавшийся от родной страны, ее традиций, устроев, обычаев. Хорошо это или плохо? Увы, судить так категорично в газетной статье не представляется возможным: надо бы провести более подробное исследование.

Как видите, мы довольно основательно проследили историю рода Демидовых по одной линии, внука основателя рода Никиты Антуфьева, Никиты Акинфиевича.

Были и другие интересные личности в этом роду, например, Павел Григорьевич, сын Григория Акинфиевича. Он, как и его отец, всерьез занимался наукой, был минералогом, химиком, физиком, математиком. Служил главным советником Берг-коллегии (она занималась разработкой всех ископаемых ресурсов России), памятник ему стоит в Томском университете, в актовом зале: он помог этому университету открыться. А в Ярославле его стараниями были открыты лицей и больница.

Нет надобности воспринимать эту статью как некую апологию Демидовского рода. Просто история этого рода — это частица истории страны, истории российской культуры.

И, конечно, организовать такую выставку невозможно. Вот, например, еще один факт: были сделаны скульптурные портреты всех Демидовых — начиная от Прокопия и кончая Анатолием. Конечно, все это хранится в музеях самых разных городов, собрать все воедино не представляется возможным. Это, скорее, тема не выставки, но книги, которая была бы, наверное, очень интересна...

Светлана ЛЕВЧЕНКО.

Фото А. ДЕДОВА.